

Пролог

Эвангелина, герцогиня Кингстон, вынула из ванночки своего крошечного внука и аккуратно завернула в мягкое белое полотенце. В ее объятиях, пофыркивая, ребенок попытался встать на крепкие ножки, потом потрогал ее лицо и волосы влажными ручками, и Эви умиленно засмеялась.

— Спокойнее, Стивен. — Она вздрогнула, когда малыш вцепился в двойную нитку жемчугов на ее шее. — О, я понимаю, это нельзя было надевать во время твоего купания. Очень большой с-соблазн. — Эви всегда говорила с заиканием, хотя теперь это было почти незаметно, не то что в юности.

— Ваша светлость! — воскликнула молоденькая помощница няни Уна. — Я сама бы вынула господина Стивена из ванночки и подала вам. Он ведь плотный и тяжелый, словно кусок скалы.

— Ничего страшного, — успокоила ее Эви, целуя малыша в розовые щечки и пытаюсь отобрать у него ожерелье.

— Ваша светлость, вы так добры, что помогаете мне, когда у няни выходной день. — С величайшей осторожностью служанка забрала у нее мальчугана. — А ведь у вас много своих важных дел.

— Нет н-ничего важнее, чем мои внуки. И мне нравится проводить время в детской. Это напоминает мне годы, когда мои дети были маленькими.

Уна тихо засмеялась, потому что Стивен добрался до ее кружевного чепца.

— Я сейчас припудрю его присыпкой и одену.

— А я пока соберу банные принадлежности.

— Ваша светлость, вам нельзя этим заниматься! —

Помощница явно пыталась соблюсти баланс между категорическим отказом и нижайшей просьбой. — В таком чудесном шелковом платье вам надлежит сидеть в гостиной и читать книгу или заниматься рукоделием. — Когда Эви открыла рот, чтобы возразить, Уна многозначительно добавила: — Няня оторвет мне голову, когда узнает, что я позволила вам купать младенца.

Шах и мат!

Понимая, что няня оторвет головы им обоим, Эви покорно кивнула.

— На мне ведь фартук, — только и сказала она.

С довольной улыбкой служанка вышла из ванной со Стивеном на руках, чтобы отнести его в детскую.

Все так же стоя коленями на коврике перед ванночкой Эви протянула руку за спину, чтобы распустить завязки фланелевого фартука, и с иронией подумала, что не так-то просто соответствовать представлениям слуг о том, как должна себя вести герцогиня. Они упорно оберегали ее от всего, что требовало усилий бóльших, чем помешивание чая серебряной ложечкой. У нее уже было двое внуков, но она оставалась стройной и находилась в хорошей форме — могла легко вынуть из ванночки увертливого малыша или побегать наперегонки с детьми по саду. На прошлой неделе она перебралась через каменную ограду, чтобы отыскать улетевшие игрушечные стрелы, и поймала неодобрительный взгляд садовника.

Когда Эви нащупала упрямый узел, до нее донесся звук шагов. И хотя не раздалось никаких других звуков и никто не появился в поле зрения, она узнала эту легкую поступь. Сильные руки отвели ее пальцы и развязали узел одним проворным движением.

Низкое, словно шелковистое, ворчание коснулось чувствительной кожи на затылке.

— Я смотрю, у нас объявилась новая няня. Какая прелесть! — Опытные мужские руки скользнули под свободно повисший фартук, коротким ласкающим движением прошлись от талии до груди. — А у тебя, милашка, роскошный бюст. Не сомневаюсь, ты будешь хорошо себя вести.

Эви закрыла глаза, откинулась назад, устраиваясь между его раздвинутыми бедрами. Мягкие губы, созданные для греха, легкими прикосновениями пропутешествовали вдоль шеи.

— Наверное, нужно предостеречь тебя, — продолжал голос, полный соблазна, — чтобы ты держалась от хозяина как можно дальше. Он ведь известный распутник.

Улыбка тронула ее губы.

— Наслышана. Он настолько порочен, как об этом все судачат?

— Даже хуже. В особенности когда дело касается рыжеволосых девиц. — Он вытащил несколько заколок из ее прически, и на плечо упала длинная прядь. — Бедняжка! Боюсь, он не даст тебе проходу.

Эви непроизвольно вздрогнула от удовольствия, когда он начал целовать ей шею.

— К-как часто мне придется слушаться его?

— Часто, — последовало между поцелуями.

У нее вырвался беспомощный смешок, когда она попыталась развернуться к нему лицом.

Даже после тридцати лет брака сердце у Эви замирало при виде мужа — бывшего лорда Сент-Винсента, а теперь герцога Кингстона. Себастьян превратился в роскошного мужчину, чья внешность одновременно внушала трепет и восхищение. Получив титул герцога десять лет назад, он преумножил качества человека, обладавшего огромной властью. Но встречая взгляд его поразительных светло-голубых глаз, полных огня и льда, никто не

мог отделаться от мысли, что прежде герцог слыл самым беспутным повесой во всей Англии. Он таким и оставался — Эви могла подтвердить это.

Время было благосклонно к Себастьяну. Он оставался красивым мужчиной, стройным и элегантным. Его волосы темного золота теперь слегка серебрились на висках. Лев зимой, которому никто не осмелился бы перейти дорогу. Зрелый возраст добавлял его образу холодной, резкой властности, впечатление человека умудренного и опытного, которого редко, если вообще когда-нибудь, возможно обвести вокруг пальца. Однако если что-то развлекало или трогало Себастьяна, у него на губах появлялась улыбка, сияющая и неотразимая.

— О, это ты! — слегка удивился он, словно не ожидал оказаться на коленях на ванном коврике с женой в объятиях. — А я уже приготовился совратить невинную служаночку. Ты-то ведь у нас крепкий орешек.

— Можешь совратить меня, — с готовностью отозвалась Эви.

Муж улыбнулся. Сияющие глаза обежали ее лицо. Он убрал с него вьющиеся пряди, которые искрились разными оттенками красного, начиная с рубинового и кончая нежным абрикосовым.

— Любовь моя, я пытался сделать это целых тридцать лет. Но, несмотря на мои нескончаемые усилия... — Страстные губы запечатлели поцелуй на шее. — ...У тебя сохранился все тот же невинный взгляд стыдливой девушки, сидящей у стеночки на балу, с которой мы тогда сбежали от родителей. Ты не могла бы постараться выглядеть чуть-чуть более пресыщенной? Лишенной иллюзий? — Себастьян тихо засмеялся, оценив ее попытку, и поцеловал в губы, на этот раз поддразнивая, крепко прижимая к себе, отчего пульс у нее забился чаще.

— Зачем ты искал меня? — ослабев, спросила она, отклонив голову, когда его губы коснулись ее щеки.

— Я только что получил новости о твоём сыне.

— О каком из них?

— О Габриеле. Случился скандал.

— Почему он твой сын, когда ты им доволен, и становится моим, как только сделает что-нибудь дурное? — спросила Эви, пока муж, освободив ее от фартука, начал расстегивать лиф платья.

— Так как я родитель, полный добродетели, — сказал он, — совершенно логично, что вся его безнравственность идет от тебя.

— У т-тебя было именно такое прошлое.

— Разве? — Теперь Себастьян неторопливо ласкал ее. — Так это я безнравственный? Нет, лапушка, этого не может быть. Я уверен, это ты.

— Нет, ты, — решительно заявила супруга. Дыхание участилось, когда его ласки стали более настойчивыми.

— Хм. Этот вопрос нужно разрешить сейчас же. Я отнесу тебя напрямиком в постель.

— Подожди. Расскажи о Габриеле. Скандал имеет какое-то отношение к... этой женщине?

В обществе циркулировали слухи о связи Габриеля с женой американского посла. С самого начала Эви тяготилась таким положением дел и надеялась, что увлечение окажется мимолетным. Минуло два года.

Подняв голову, Себастьян посмотрел на герцогиню и слегка нахмурился:

— Он умудрился скомпрометировать дочку графа, одну из Рейвенелов.

Сдвинув брови, Эви обдумывала услышанное. Имя показалось ей знакомым.

— Мы встречались с этой семьей?

— Меня представляли старому графу, лорду Трениру. Жена у него дама взбалмошная и пустая. Ты однажды виделась с ней на выставке цветов и, кажется, перекинулась парой слов о коллекции орхидей.

— Да, припоминаю. — К сожалению, графиня не понравилась Эви. — У них есть дочь?

— Две дочери. Близнецы. В этом году у них первый сезон. Кажется, твоего сына-идиота застукали в ситуации *in flagrante delicto* с одной из них.

— Он следует по стопам своего отца.

Сделав обиженный вид, Себастьян изящным движением поднялся сам и поднял супругу.

— Его отец никогда не попадал в подобную ситуацию.

— Разве что в ситуацию со мной, — чопорно напомнила она.

Себастьян засмеялся:

— Это правда.

— Что в точности означает *in flagrante delicto*?

— Буквальный перевод с итальянского — «на месте преступления». — Легко подхватив Эви на руки, он добавил: — Полагаю, доказательств было предостаточно.

— Так что насчет с-скандала? А Габриель, и эта девушка, и...

— Пусть весь мир подождет, — решительно заявил Себастьян. — Я собираюсь совратить тебя десять тысяч раз. И в этот раз хочу, чтобы ты обратила на меня внимание.

— Да, сэр, — кротко согласилась она и обвила руками мужа за шею, пока он нес ее в спальню.

Глава 1

*Лондон, 1876 год.
Двумя днями ранее*

Леди Пандора Рейвенел скучала.

Ужасно скучала.

Лондонский сезон тянулся, и не было ему конца. Предстояло вытерпеть четыре месяца балов, суаре, концертов и ужинов до того, как парламент уйдет на каникулы, а знать с семьями займет свои деревенские гнезда. Оставалось еще по меньшей мере шестьдесят ужинов, пятьдесят балов и бог весть сколько суаре.

Она просто не выживет. Безвольно опустив плечи, Пандора откинулась на спинку стула и оглядела заполненный бальный зал. Здесь присутствовали джентльмены, одетые формально — в черное и белое, офицеры в мундирах и парадных сапогах, дамы в шелках и тафте. Зачем они все здесь? Что нового они могли сообщить друг другу после череды балов?

Худший вид одиночества, угрюмо подумала Пандора, — это когда человек находится в центре ликующей толпы, а ему совсем не весело.

Где-то там, среди вальсирующих пар, ее сестра близняшка танцует в объятиях воздыхателя, полного надежд. И хотя Кассандра, как и Пандора, тоже считала сезон времяпрепровождением глупым и праздным, с большей охотой играла в эти игры.

— Почему бы тебе не пройтись по залу, не поболтать с кавалерами? — спросила Кассандра в самом начале вечера. — Это лучше, чем сидеть, забившись в угол.

— Нет, не лучше. По крайней мере когда я сижу в стороне, то могу думать об интересных вещах. Не понимаю, как тебе часами удается выносить это докучливое общество.

— Здесь не все докучливые, — запротестовала Кассандра.

Пандора бросила на нее скептический взгляд:

— Из всех джентльменов, с которыми ты уже познакомилась, есть хотя бы один, с которым тебе захотелось бы увидеться еще раз?

— Пока нет, — призналась Кассандра.

— Для того чтобы встретить единственного, — мрачно заметила Пандора, — придется перезнакомиться со всеми.

Кассандра пожала плечами:

— За разговорами вечер проходит быстрее. Можешь сама убедиться.

К несчастью, Пандора терпеть не могла пустой болтовни. Для нее было невыносимо изображать живейший интерес к какому-нибудь напыщенному невеже, когда он начинал превозносить свои достоинства и успехи. Она не могла набраться терпения, чтобы спокойно выслушать пэра преклонных лет, который подыскивал молоденькую невесту на роль компаньонки и сиделки, или уделить внимание какому-нибудь вдовцу, не терявшему надежды продолжить род. От одной мысли, что кто-то из них может коснуться ее, пусть даже рукой в перчатке, кожа покрывалась мурашками, а необходимость поддерживать с ними беседы еще раз напоминала о том, как ей все это наскучило.

Уставившись в полированный паркет, она пыталась подсчитать, сколько слов можно образовать из слова «скука», но не успела ничего придумать.

— Пандора, — донесся до нее скрипучий голос дамы-патронессы, сопровождавшей их с сестрой на бал. — Почему вы опять обретаетесь в углу? Дайте заглянуть в вашу записную книжку для танцев.

Пандора подняла взгляд на Элеонору, леди Бервик, и неохотно протянула ей маленькую книжечку в форме веера.

Графиня — высокая дама с величественными манерами и прямой спиной — раскрыла украшенную перламутром обложку и бросила стальной взгляд на тонкие костяные странички.

Там не было ни одной записи.

Леди Бервик поджала губы, словно стянула шнурком:

— К этой минуте их нужно было заполнить целиком.

— Я подвернула ногу.

Пандора не решалась поднять глаза на графиню. Отговорка давала возможность посидеть в уголке и при этом не подвергнуться общественному осуждению. В соответствии с этикетом, если леди единожды откажется от приглашения на танец по причине усталости или недомогания, она освобождается от других приглашений до конца вечера.

В недовольном голосе графини слышался лед.

— И это ваш ответ на щедрость лорда Тренира? Все ваши новые дорогие наряды и аксессуары... Почему вы позволили ему потратиться на них, если с самого начала замыслили провалить сезон?

На самом деле Пандора чувствовала свою вину. Ее кузен Девон, лорд Тренир, который принял титул герцога в прошлом году, после смерти ее брата, исключительно по-доброму отнесся к ней и к Кассандре. Он не только одел их к сезону, но также обеспечил каждую приданым, достаточно солидным, чтобы гарантировать интерес подходящего холостяка. Совершенно определенно ее родители, которые умерли несколько лет назад, не проявили бы такой щедрости.

— Я ничего такого не замышляю, — забормотала она. — Просто не предполагала, что будет так трудно.

В особенности танцевать.

Какие-то танцы, как, например, полонез и кадрили, ей вполне удавались, она даже справлялась с галопом,

если только партнер не проявлял чрезмерно прыти, но вот вальс представлял опасность на каждом повороте... буквально! Пандора теряла равновесие, как только нужно было идти по кругу. Такое же случалось с ней и в темноте, когда отсутствовали видимые ориентиры в пространстве. Леди Бервик не догадывалась о ее проблеме. Из гордости и стыдливости Пандора никогда бы не рассказала ей об этом. Только Кассандра знала ее тайну и то, что скрывалось за ней, и в течение нескольких лет помогала все держать в секрете.

— Трудно, потому что вы так решили. — Леди Бервик оставалась непреклонна.

— Не понимаю, почему я должна переживать все эти сложности, чтобы поймать мужа, который никогда не полюбит меня.

— Будет вас любить муж или нет, это несущественно. Брак не имеет ничего общего с личными чувствами. Это союз интересов.

Пандора не стала спорить, хотя не могла согласиться с ней. Примерно год назад ее старшая сестра Хелен вышла замуж за мистера Риза Уинтерборна, уэльсца невысокого рода, и была с ним счастлива. Точно так же были счастливы кузен Девон и его жена Кэтлин. Браки по любви, должно быть, редки, но определенно возможны.

Но Пандора все равно не помышляла о таком будущем для себя. В отличие от Кассандры — девушки романтической — она никогда не мечтала о замужестве, о том, чтобы завести детей. Ей никогда не хотелось принадлежать кому-нибудь, и уж тем более чтобы кто-нибудь принадлежал ей. Пандора прекрасно понимала: она никогда не будет счастлива в обычной жизни.

Вздыхнув, леди Бервик села рядом, прямая спина держалась параллельно спинке стула.

— Только что начался май. Вы помните, что я говорила об этом?

— Это главный месяц сезона, когда проходят самые важные мероприятия.

— Правильно. — Пожилая дама вернула ей книжечку. — После сегодняшнего вечера я ожидаю, что вы приложите все старания. Это ваш долг перед лордом и леди Тренир и перед самой собой. Осмелюсь напомнить, что это долг и передо мной, учитывая все мои усилия помочь вам приобрести лоск.

— Вы правы, — тихо согласилась Пандора. — И мне очень жаль — действительно очень жаль — огорчать вас. Но мне стало абсолютно ясно: я ничего не значу ни для кого из них. Я ни за кого не пойду замуж. У меня есть планы зарабатывать самой и жить независимо. При определенной доле везения это получится, и больше никто не станет из-за меня переживать.

— Вы говорите о настольной игре, об этой чепухе? — насмешливо спросила графиня.

— Это совсем не чепуха. Я недавно получила на нее патент. Спросите у мистера Уинтерборна.

В прошлом году Пандора, которая всегда любила игрушки и головоломки, сама придумала настольную игру. Подбадриваемая мистером Уинтерборном, она подготовила заявку на патент и собралась производить, а потом и продавать свое изобретение. Мистер Уинтерборн, который владел самым большим в мире универсальным магазином, уже договорился разместить заказ на пятьсот экземпляров. Ее игре был гарантирован успех прежде всего потому, что конкуренции в этой сфере торговли просто не существовало. Пока игровая индустрия процветала в Америке благодаря усилиям компании «Милтон Бредли», в Британии эта деятельность оставалась в зачаточном состоянии. Пандора уже придумала еще две игры и приготовилась подать заявку на патенты. Когда-нибудь в будущем ей удастся заработать достаточно денег, чтобы самостоятельно пробить себе дорогу в окружающем мире.

— При всем моем уважении к мистеру Уинтерборну, — строго произнесла леди Бервик, — я считаю ошибкой то, что он поддерживает вас в этой глупой затее.

— По его мнению, из меня может получиться успешная бизнес-леди.

Графиня дернулась, словно ее ужалила оса:

— Пандора, вы рождены дочерью графа. Торговец или фабрикант вам не пара. Самой же становиться дельцом просто невыносимо. Вас не примут ни в одном приличном доме. Вас подвергнут остракизму.

— Почему всех этих людей, — Пандора обвела рассеянным взглядом толпу, — должно беспокоить, чем я буду заниматься в жизни?

— Потому что вы одна из них. Им от этого столько же пользы, сколько и вам. — Графиня покачала головой. — Не стану делать вид, что полностью понимаю вас, девочка моя. Ваш ум всегда казался мне чем-то вроде тех фейерверков... Как называются те, которые крутятся как ненормальные?

— «Огненные колеса».

— Вот-вот. Крутятся, искрят и шумят. Вы выносите суждения, не обращая внимания на частности. Быть умницей — это чудесно, но умничать не советую: просто начнут игнорировать. Вы всерьез считаете, что имеете право не обращать внимания на мнение общества? Вы действительно полагаете, что люди начнут восхищаться вами за вашу непохожесть?

— Конечно, нет. — Пандора играла с книжечкой для записей танцев, то разворачивая ее, то вновь складывая. — Но по крайней мере они могли бы попытаться понять.

— Глупости, строптивая вы девчонка! Зачем им это нужно? Нонконформизм — это не более чем маскировка для тех, кто пытается вызвать интерес к своей персоне. — Графине явно не терпелось прочитать Пандоре целую лекцию на эту тему, однако она резко замолчала и вста-

ла. — Позже мы продолжим с вами эту дискуссию. — Потом развернулась и направилась к группке вдов, востроглазых, с постными лицами.

В левом ухе у Пандоры раздался звон металла, словно там кто-то тряс медную проволоку. С ней такое иногда случалось, когда она испытывала душевные страдания. К ее ужасу, на глаза навернулись желящие слезы отчаяния. О господи, это будет настоящее унижение — эксцентричная, неловкая, никому не нужная Пандора плачет в углу бального зала! Нет, этому не бывать. Она поднялась с такой стремительностью, что чуть не опрокинула стул.

— Пандора! — раздался невдалеке встревоженный голос. — Мне нужна твоя помощь.

Озадаченная, она повернулась и увидела торопившуюся к ней Долли, леди Колуик.

Живая темноволосая Долли была младшей из двух дочерей леди Бервик. Их семьи хорошо познакомились друг с другом после того, как леди Бервик взялась учить Пандору и Кассандру этикету и хорошим манерам. Долли была девушкой очаровательной и всеми любимой и очень по-доброму относилась к Пандоре в отличие от других молодых женщин, которые либо проявляли безразличие, либо смеялись над ней. В прошлом году, во время первого своего сезона, Долли была на устах всего Лондона. На каждом светском мероприятии вокруг нее толпились стада холостяков. Недавно она вышла замуж за Артура, лорда Колуика, который был старше ее лет на двадцать и обладал солидным состоянием, а впереди у него маячил титул маркиза.

— В чем дело? — заволновалась Пандора.

— Во-первых, пообещай, что ничего не расскажешь маме.

Пандора криво усмехнулась:

— Ты же знаешь: я ничего ей не расскажу, даже если мне очень захочется. Так что случилось?